

УДК 140.8

СООТНОШЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО И ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСОВ В ПОЗДНИХ РАБОТАХ Ж. БАТАЯ**THE RELATION BETWEEN POETIC AND PHILOSOPHICAL DISCOURSES IN GEORGES BATAILLE'S LATE WORKS****А.Ю. Шутов
A.Y. Shutov**

*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Россия, 101000, г. Москва,
ул. Мясницкая, 20
National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia*

Ключевые слова: философия, поэзия, сакральное, профанное, внутренний опыт, суверенность.
Key words: philosophy, poetry, sacred, profane, inner experience, sovereignty.

Аннотация. В данной статье анализируется взгляд Ж. Батая на перспективы взаимодействия поэтического и философского дискурсов на материале его поздних работ. На раннем этапе своего творчества Батай, описывает поэзию как свободную игру, а философию как рабский, но полезный труд. На позднем этапе осуществляет переход от полного неприятия философии к осознанию наличия неразрывной связи между философией и поэзией и их органичного сочетания в рамках единого дискурса. В основе такого дискурса лежит понятие «внутренний опыт», под которым Батай подразумевает взаимоналожение перспектив интроспективного анализа субъективных переживаний и формального анализа социальных феноменов, соответствующих внутренним переживаниям индивида.

Resume. This article deals with George Bataille's views on possibilities of interaction between poetic and philosophical discourses. Bataille conceptualizes poetry as a free play and philosophy as a servile and useful labor. Although this definition doesn't change throughout the development of his thought, Bataille proceeds from total denial of philosophy to realization that poetry and philosophy are linked together and thus can be combined in one discourse. As a basis of such discourse Bataille poses "inner experience" which implies superposition of two different perspectives: that of introspective analysis of subjective affections and that of formal analysis of social phenomena which correspond with inner affections.

Введение

В англо-американской и континентальной философских традициях соотношение поэтического и философского дискурсов имеет ряд отличий. Аналитические философы, видящие в философии строгую науку, либо вообще не интересуются вопросом соотношения поэзии и философии, либо выводят поэтическое за границы философского знания, поскольку в философии как науке нет места озарениям, многозначным метафорам и не ясным, логически не безупречным рассуждениям. Напротив, представители континентальной философии почти всегда указывают на сильное родство и сходство между философией и поэзией. Например, Г. Гадамер в работе «Философия и поэзия» пишет: «У поэтического и философского способов речи есть одна общая черта. Они не могут быть "ложными". Ибо вне их самих нет мерила, каким их можно было бы измерить и каким они соответствовали бы» [Гадамер, 1991: 126]. Хайдеггер также подчеркивает близость философии и поэзии, несмотря на их принципиальное различие: «Я писал об этом: философия и поэзия стоят на противоположных вершинах, но говорят одно и то же» [Хайдеггер, 1991: 154]. Континентальные философы видят тесную связь философии и поэзии, поскольку используют развитый аппарат поэтических средств самовыражения гораздо чаще своих англо-американских коллег.

Из этой дихотомии выбивается Ж. Батай, для которого проблематика соотношения философии и поэзии является одним из основных лейтмотивов творчества. В то время как приведенные выше континентальные философы описывают философию и поэзию как нечто очень близкое друг другу, Батай говорит о них как двух разнонаправленных видах деятельности. Несмотря на то, что он принадлежит континентальной традиции, на страницах его ранних произведений (таких как «Внутренний опыт», 1943) философский и поэтический дискурсы вступают в ожесточенную «борьбу», причем явное преимущество Батай отдает

поэзии. В поздних работах, таких, как, например, «Суверенность» (1976) и «Теория религии» (1973), автор видит в философии инструмент, который, тем не менее, может подвести нас к пределам мышления, преодолеваемым поэтическим озарением и воображением. Таким образом, в поздних работах Батаем была создана оригинальная концепция взаимодействия поэтического и философского дискурсов. Нашей задачей в рамках данной статьи является реконструкция концепции Батая и ключевого для нее понятия «внутреннего опыта».

Философия и поэзия

Основанием для столь пристального внимания Батая к проблеме соотношения философии и поэзии стала его резко критическая позиция по отношению к академической философии и поиски новых способов выражения идей.

Условно творчество Батая делят на два периода: довоенный (1928 – 1945 гг.) и послевоенный (1946 – 1962 гг.). В работах довоенного периода (например, «Внутреннем опыте») автор раскрывает опыт невозможного - опыт разрушения субъектности и выхода субъекта вне себя. Описывая данный опыт, он говорит от своего имени так, словно ведет дневник, в котором скрупулезно фиксирует все, что происходило с ним самим в момент столкновения с невозможным. Такая задача вынуждает Батая покинуть область философского дискурса, упоминая его лишь с целью обнажения ограниченности философии, её внутренних разрывов, нестыковок и противоречий; все направлено на преодоление рационального знания и достижение мистического незнания. Это заметил Ж. Деррида: «Это письмо (пример, который оно нам дает, не забываясь о наставлении, - это то, в чем мы заинтересованы здесь и сейчас) сцепляет классические концепты в их неизбежности так, что при определенном взгляде они якобы подчиняются своему привычному закону, но, в то же время, относясь в определенной точке к моменту суверенности, к абсолютной потере смысла, к невоздержанной растрате, к тому, что отныне можно назвать негативностью или потерей смысла разве что в философском смысле; к некому бессмыслию, которое, таким образом, выходит за пределы абсолютного смысла, замкнутости или горизонта абсолютного знания» [Derrida, 1967: 393].

До второй мировой войны Батай пишет свободно, экспрессивно, художественно, передает личные ощущения. Работы, написанные в таком стиле, не находят отклика у его современников. После войны его стиль изменяется: он пишет наукообразные труды, снабжая их множеством отсылок к работам серьезных этнографов, экономистов, социологов, пытаясь придать своим идеям как можно больше объективности.

Когда Батай писал художественно, то считал художественный стиль единственно верным, а строгое философское рассуждение сухим и ложным. После неудачи с художественными текстами Батай изменил отношение к философскому рассуждению и стал использовать его наряду с художественным языком, чтобы дополнить личное переживание обобщенным анализом.

Поэтическая суверенность и рабское философствование

Тема поэзии в работах Батая неразрывно связана с тематикой языка, его профанной и сакральной сторонами. Профанный язык инструментален, поскольку используется для достижения практических целей в мире полезного производства и потребления. Такой язык имеет относительно стабильную структуру семантических референций, а слова в нем отсылают к реально существующим объектам. Каждый речевой акт подразумевает ясную и четкую цель использования языка в данной конкретной ситуации. Поэтический язык Батай понимает, как своего рода жертвоприношение слов, их бесполезную растрату, трансгрессию языка: «Никак не могут взять в толк, что литература, поскольку в ней нет ничего, ежели она не поэзия, а поэзия прямо противоречит своему имени, литературный язык — выражение скрытых желаний, потаенной жизни — есть не что иное, как извращение языка, равно как эротизм — извращение половых функций, разве что чуть посильнее» [Батай, 1997: 279]. Поэтический язык всегда ведет нас от известного к неизвестному, конструирует своеобразный независимый мир, попутно разрушая мир профанный и обрывая с ним все связи. Этот мир недолговечен, изменчив и иллюзорен, он не способен длить себя во времени, «в поэзии все, что описывается, одновременно и ускользает в непознаваемость» [Батай: 57]. Таким образом, поэзия суверенна, поскольку неподвластна любым попыткам опредметить её и использовать как полезный инструмент для достижения каких-либо практических целей.

Философию Батай понимает как стремление от неизвестного к известному, как движение, обратное поэтическому по своему назначению. И если поэзию можно назвать сакральной стороной языка, передающей опыт сакрального, то философия, по Батаю, как правило, нацелена на полное и исчерпывающее описание профанного. В природе самой философии, в её стремлении к созданию замкнутых, полноценных и нерушимых систем знания заложена невозможность изучения тех феноменов, которые размыкают строгое мышление, подрывают имеющиеся у нас знания и выталкивают человека в область незнания. Одним из творческих импульсов Батая является желание «показать тупик философии, которая не могла осуществиться без дисциплины, а с другой стороны, терпит неудачу, будучи не в силах достичь пределов своего предмета, того, что я обозначал прежде словом “крайности возможного” и что всегда касается крайних проявлений жизни. Даже философия смерти, если она фундаментальна, отворачивается от своего предмета» [Батай: 691]. Следует отметить, что, говоря о философии, Батай имеет в виду, прежде всего, рационализм, поскольку для него само мышление предстает как нечто процессуальное, как серия операций, приводящих к построению логически корректной системы. Поэтому, согласно Батаю, философия есть полезный труд, направленный на создание смысла. Но поскольку философия имеет свое основание и цель вовне, то она оказывается несвободной, «рабской» деятельностью. Иными словами, по мысли Батая, смыслообразование подразумевает подчинение размышлений ряду жестких правил, таких как системность и каузальность. Эти правила сдерживают и ограничивают его. Более того, философское размышление всегда подразумевает наличие конечной цели, к которой оно устремлено. Таким образом, в каждый момент времени размышление сдерживается этой целью, в то время как поэзия подразумевает свободное исследование, в котором нет ничего predetermined заранее. Так, между философией и поэзией обнаруживается то же отличие, что существует между трудом и игрой. Труд всегда направлен на конкретную цель, в основе которой лежит польза. Такая полезная цель является предельным основанием труда. Игра же самоценна, акцент в ней делается не на результате, а на процессе, с точки зрения практической пользы она связана с «растратой» времени. Объекты, вовлеченные в игру, носят символический и условный характер, она не имеет четкой и заранее определенной цели (речь идет об интеллектуальной игре, подобной игре в бисер, о которой говорит Г. Гессе в одноименном романе).

Однако отношение к философии в творчестве Батая постепенно меняется. Начиная с тотального её неприятия во «Внутреннем опыте» как слепой и замкнутой на себе области познания, создающей ограниченные системы знания (причем, недостаточной Батай признает не только философию, но и поэзию, задаваясь целью пойти по пути незнания дальше, чем авторы самых смелых литературных опытов), в поздних работах Батай приходит к признанию необходимости рационального мышления для создания полноценной концепции устройства феноменов, относящихся к области сакрального, поскольку они существуют не в вакууме, а так или иначе соотносятся с упорядоченными социальными формами, с профанным. Не отрицая своих прежних претензий к философии, Батай признает, пусть и ограниченную, но все же позитивную роль философского рационального мышления и пытается выстроить своеобразный диалог между поэтическим и философским дискурсами.

Амбивалентный внутренний опыт

Поздний этап творчества Батая отмечен попыткой создать свой собственный уникальный дискурс, который обращается к ресурсам и поэзии, и философии. Необходимость их синтеза вызвана его стремлением к анализу и внутренним переживаний предельного опыта, и их социальной функции. Батай осознает, что такие феномены как эротика и суверенность необходимо рассматривать и в контексте сакрального, и в контексте профанного, в силу их взаимообусловленности. Таким образом, философия позволяет ему реконструировать предпосылки предельного опыта, тогда как поэзия дает возможность отобразить опыт трансгрессии профанного мира. Насколько эффективно их сочетание в творчестве самого Батая?

По мнению Зенкина, рассуждающего о соотношении различных режимов письма в предисловии к сборнику трудов Батая [Зенкин: 47-48], основная проблема его письма заключается в двойственности создаваемых им теоретических конструктов. Эта двойственность напрямую вытекает из разорванности его мышления между философским и поэтическим. Первое подразумевает отстраненный и объективный анализ, второе – мистическое слияние с объектом анализа. Причем, оба способа мышления не отделены у Батая четкой границей один

от другого. Они зачастую смешиваются так, словно автор пытается говорить в двух перспективах одновременно. Наглядной иллюстрацией может служить концепция суверенности, рассуждая о которой Батай одновременно описывает суверенность и как результат мгновенных разрывов в повседневном существовании, вытекающих из трансгрессии запрета, и как некое постсовременное состояние человечества, когда все люди, суверенно отказавшись от своей суверенности, представляют собой безликую и усредненную массу, которая суверенна потому, что не обладает никакими отличительными характеристиками, неопределима и потому есть ничто.

Такая двойственность является сильной стороной дискурса Батая, поскольку позволяет ему представить объект анализа полнее, чем это возможно, оставаясь в рамках лишь одной из перспектив. Очевидно, что спонтанное перемещение между эмической и этической позициями в анализе имеет результатом не вполне ясное и линейное рассуждение, но этот недостаток вторичен. Более серьезный недостаток в ходе размышления Батая обнаруживается, если обратить внимание на исходные дефиниции философского и поэтического, которые позволяют Батаю обосновывать ограниченность философского и необходимость поэтического дискурса.

Батай утверждает, что представление о суверенности было искажено различными историческими пертурбациями, которые, в частности, привели к тому, что суверенность светская (военная) и религиозная были радикально разведены. Тот факт, что суверенность по-прежнему составляет наиболее важную и сокровенную сторону человека, позволяет Батаю исходить для обоснования своего рассуждения из данных интроспекции. Всякая мысль для него дана в длительности, как сумма операций, нацеленных на достижение определенного результата. Этот результат заранее предопределяет её траекторию. В силу чего мысль сама по себе, согласно Батаю, оказывается ущербной, не принадлежащей самой себе. Когда субъект направляет свое внимание внутрь к своей свободной и неопределенной субъективности, мысль неизбежно распадается, уступая место поэтическому видению, которое превосходит мысль, будучи более независимым и живым: «Если и есть нечто такое, что мы постигаем изнутри, это именно суверенность - как та, к которой мы стремимся сами, так и та, которую мы признаем за царственными особами, порой без всяких внешних оснований. Такой опыт, конечно, не имеет смысла независимо от связанных с ним объективных данностей, но сами эти данности нам следует понимать в свете этого опыта, без которого они бы и не были нам даны. Некоторые условия опыта представляются нам объективно - как, например, производство, его избыточная доля и доля необходимая для существования, - но когда в игру вступает *настоящее время*, то, даже если говорить об *объектах* и продуктах потребления, на которые оно воздействует, эти объекты оказываются *разрушены*, потреблены, и предпочтение, отдаваемое *мгновению*, соответствует презрению к объективному миру. Возможны и другие подходы к мгновению, но оно всякий раз отсылает только ко внутреннему миру *субъекта*. Учитывая это, признаю, что говорил неопределенно: из моих высказываний не остается ничего, что бы я мог схватить, но именно к такому состоянию я и стремился. Моя мысль теряет точку опоры, когда объективные вещи перестают меня навязчиво преследовать, когда в моих глазах их мгновенное разрушение значит больше, чем мое былое уважение к ним, чем моя бывшая забота об их приобретении, чем присущая им одним серьезность. В этот момент я еще рассматриваю объективные вещи, но в свете такой внутренней истины, что они оказываются лишь поводом для субъективной игры. Тем самым моя мысль переходит из одного мира в другой - из объективного мира, где она строится, в мир субъективный, где она распадается, но пока она распадается и еще не распалась полностью, я еще могу выразить её содержание» [Батай: 346].

Что, если мы представим себе размышление не как операцию, нацеленную на полезный результат, правила которой навязаны нам извне, но как автономное бесконечное размышление, у которого нет заранее намеченной цели или жестких правил, ограничивающих его (что, собственно, и можно назвать сутью философии)? Для Батая человек способен видеть вне себя лишь отдельные объекты и вещи, отчужденные от него самого и от самих себя. Соответственно, размышление, направленное вовне, неизбежно включается в логику мира вещей, мира пользы, целей и средств. Однако интроспективное созерцание, увлеченное внутренней деятельностью свободного субъекта и разворачиванием его суверенности, не будет таковым. Оно будет не просто длящимся во времени, но бесконечным: бесконечное созерцание ради созерцания, бесконечный анализ переходов и переливов, сочленения и разъединения объектов сознания, представляющий собой нечто схожее с аристотелевским «мышлением о мышлении».

Батай понимает философию как полезный труд, нацеленный на производство, накопление и преумножение смысла. Таким образом, он описывает философию в терминах

капиталистической логики, подразумевающей производство материальных благ, их накопление и усовершенствование средств производства для еще большего накопления. По его мнению, философия инертна и неадекватна действительности, поскольку в ней отсутствует элемент игры, алеаторики, растраты смысла. Она должна быть подорвана революционным порывом свободного поэтического воображения. Однако Батай, критикуя философию, упускает тот факт, что каждой операции в логике капиталистического производства отведено строго ограниченное время и место, поскольку производство должно быть максимально эффективным. Именно это делает человека, выполняющего ту или иную операцию, в том числе, операцию мышления, несвободным. Его существование суть подчинение, ибо он не в состоянии сам определять время и место своих действий. Отсюда следует, что бесконечное мышление суверенно, поскольку бесконечная операция трансgressирует описанную выше капиталистическую логику, оказываясь незавершенной и неэффективной. В этом свете становится очевидной ограниченность «сюррационализма» Батая, поскольку само его понимание рационального мышления является довольно ограниченным. Он упускает такой его аспект как чистый, самосозерцающий разум, который имеет свою цель в самом себе.

Однако критика рациональности Батаем является и сильным, и одновременно слабым местом в его размышлении, поскольку, будь он всецело последователен, ему вряд ли удалось внятно описать различные состояния и движения суверенности. Абсолютно свободное субъективное самовыражение не имеет смысла, поскольку его невозможно воспринять или же декодировать каким-либо образом. В пределе такое самовыражение означало бы изобретение нового языка, что пытались делать, например, русские кубофутуристы, хотя даже их эксперименты были вписаны в определенную логику развития авангардного поэтического искусства. Соответственно, если прочтение текстов Батая и философский комментарий к ним возможны, то в логике Батая есть изъян, поскольку, критикуя рационализм, он пользуется свойственными именно рациональному подходу средствами для передачи своей мысли. Несмотря на эту непоследовательность, Батаю удалось передать специфическое понимание человеческой субъективности, как принадлежащей миру сакрального.

Как уже было сказано выше, Батай допускает ошибку, когда трактует рациональное мышление исключительно как трудовую и целерациональную операцию, забывая о том, что логическое мышление может иметь различные способы применения. Ошибка в толковании рациональности приводит к тому, что Батай полагает в качестве основного средства для достижения суверенности «разборку рельс, по которым движется разум» [Батай: 324]. Такая постановка вопроса в итоге имеет следствием упреки в мистицизме и иррационализме со стороны таких философов, как Сартр [Сартр, 1994] и Хабермаса [Хабермас, 2008].

Батай мог бы избежать упреков в мистицизме и избавиться от обнаруженной выше в его рассуждениях ошибки в толковании рациональности при более широкой трактовке разума. Разум не только раб, но и господин, который способен освободить человека от капиталистической логики труда и накопления. Вместо того, чтобы разбирать рельсы, по которым разум движется, Батаю следовало указать в какую сторону эти рельсы необходимо проложить. Ведь для того чтобы описать и утвердить новое понимание того, что является главным и сокровенным в человеке, для того чтобы подвергнуть уничижающей критике отношение к человеку как к вещи и как к средству, а также обратить внимание на негативные последствия господства калькулирующего разума, нет необходимости отрицать логическое мышление и разум как таковые. Человеческий разум является одним из наиболее гибких инструментов, созданных природой, поэтому уместно говорить о разных логиках и способах мышления, будь то мышление человека, достигнувшего просветления, или человека, переживающего тяжкую утрату. Очевидно, что такое мышление не соответствует рабской логике расчетливого накопления и потребления, однако оно все равно имеет свои правила и свои ориентиры, сколь бы изменчивым ни было.

Более того, Батай говорит о мышлении как о «рабской» деятельности, тогда как поэзия для него – это одно из проявлений суверенности. Суверенность он понимает как абсолютную свободу и независимость, отсутствие подчинения чему бы то ни было. В таком случае к реабилитации разума нас ведет одно простое соображение: подлинно суверенным может быть лишь тот, кто обладает предельно ясным осознанием себя и своего положения в универсуме. Сама по себе дифференциация философии и поэзии как, соответственно, ограниченно-рационального и суверенного, выглядит в этом контексте весьма сомнительной, что заставляет поставить под вопрос и все последующие рассуждения Батая. Однако если мы примем его аксиоматику, то увидим, что, несмотря на некоторую условность изначальных предпосылок,

ему действительно удалось продемонстрировать эвристический потенциал поэтического воображения и глубокой интроспекции, которые, несмотря на некоторую долю произвольности, позволяют устанавливать соответствие между внутренними и внешними проявлениями тех или иных феноменов, снимая противоречие между строго рациональным и поэтическим дискурсами. В качестве примера можно привести его «Теорию религии», которая начинается с описания непрерывного животного бытия, которое, по признанию самого Батая, не могло быть создано никак иначе, как через поэтическое воображение, поскольку как таковой опыт животности нам непосредственно недоступен. Именно это описание служит отправной точкой для всего последующего рассуждения Батая, показывающего сложную эволюцию отношения человека к испытываемому им изначальному чувству растворенности в мире и вскрывающего стремление вернуть ощущение сакральности окружающего мира. В процитированном выше отрывке из книги «Суверенность» Батай идет еще дальше, открывая в содержании глубоко субъективных переживаний им собственной суверенности соответствие историческим формам её проявления, что позволяет Батаю описывать феномен суверенности не только в отношении политической власти, но и в отношении отдельного индивида, внутри которого суверенность присутствует как некая скрытая сила. Такое понимание индивида было положено Батаем в основание его философско-антропологической теории.

Таким образом, развитие представления о соотношении поэтического и философского дискурсов в творчестве Батая проходит несколько этапов, хотя отношение к поэзии как суверенной игре и философии как рабскому труду остается практически неизменным. Меняется лишь взгляд на возможность выстраивания взаимосвязей между ними и продуктивного использования обоих дискурсов в философии. Итогом развития этого взгляда становится оригинальная концепция амбивалентного внутреннего опыта, который сочетает интроспекцию, основанную на интуиции с рефлексивным анализом объективных социальных форм проявления тех внутренних переживаний, которые обнаруживаются в интроспекции. Данная концепция была сформулирована Батаем в поздних работах, где он не только выявляет общие истоки философии и поэзии, но и подчеркивает их единство в стремлении к воссозданию образа человека и того универсума, который его окружает. Философия, стремящаяся к установлению строгих правил мышления (логике) и созданию абсолютно однозначного и замкнутого понятийного аппарата (смысла), очень быстро превращается из живого размышления в мертвую систему понятий. Такая философия способна описывать лишь внешнюю и профанную часть человеческой жизни, упуская сакральную ее часть, которая лежит в области неподконтрольных разуму витальных импульсов и озарений. Поэзия позволяет увидеть не «смысл», а «бессмыслие». Отбросив знание, достигнуть «незнания», то есть вернуть человеку его внутреннее измерение, его «безумие», утраченное в силу его добровольного подчинения гегемонии разума. Цельный анализ человека и условий его существования возможен лишь при сочетании внешней и внутренней перспектив, то есть перспектив философии и поэзии.

Список литературы References

1. Гадамер Г. Г. Философия и поэзия // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С.126.
2. Хайдеггер М. Беседа с Хайдеггером // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 154
3. Derrida J. (1967) De l'économie restreinte à l'économie générale, un hegelianisme sans réserve. L'écriture et la différence. Paris: Seuil, p. 393.
4. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. С. 279.
5. Батай Ж. Теория религии // Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. С. 57.
6. Батай Ж. Эротика // Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. С. 691.
7. Зенкин С. Сакральная социология Ж. Батая. С. 47- 48.
8. Батай Ж. Суверенность // Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. С. 346
9. Батай Ж. Суверенность. С. 324
10. Сартр Ж.-П. Один новый мистик // Танатография Эроса. СПб.: Мифрил, 1994
11. Хабермас Ю. Между эротизмом и общей экономикой: Батай // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2008.